

В провинции Кушань было семь городов, каждый из которых включал бесчисленное количество деревень и поселений.

Место, где они находились, было крупнейшим городом провинции Кушань, который назывался Город Ящерицы.

Однако, несмотря на статус города, вокруг простирались лишь горы и вода, среди которых были разбросаны редкие деревянные постройки, а также неисчислимые канатные дороги и подвесные мосты над пропастями.

В школе брат Цун читал об истории этого места и знал, что за последние триста лет оно ни разу не процветало. В более древние времена это была территория, куда правительство ссылало преступников, и со временем это наложило отпечаток на местных жителей, в чьих жилах текла дикая и кровожадная натура.

С большим трудом здесь были проложены дороги, и после десятилетий усилий по цивилизации Кушань смогло похвастаться лишь Городом Ящерицы, который едва-едва соприкасался с цивилизованным обществом. Но даже эти дороги были ухабистыми и однополосными, по которым не то что автомобили — даже танк с трудом мог бы проехать.

Суровые горы и злые воды рожают хитрый народ. Войска неоднократно входили и выходили, теряя более половины личного состава, но эта земля оставалась неприступной, как железная крепость.

Поэтому брат Цун прибыл сюда в составе элитного отряда. Он не был стрелком, а занимал должность гражданского чиновника. Он отвечал за сбор информации и распространение сообщений. С ним также был его младший товарищ по военному училищу, который позже стал его помощником — А-Янь.

На самом деле их военное училище отправляло сюда немало ресурсов. Четыре года назад сюда был направлен и двоюродный брат Цуна.

В то время начальство ещё не знало, насколько сложной окажется ситуация в Кушань, и обстановка не была столь напряжённой. Только что поступивший в университет, он гордился своим двоюродным братом и с энтузиазмом провожал его до железнодорожной станции.

Тогда двоюродный брат был в том же возрасте, что и Цун сейчас. Он сказал ему, что едет в деревню потерпеть несколько лет ради награды. Хотя условия будут тяжёлыми, но войны уже нет, значит, неопасно.

Однако вскоре после отъезда двоюродного брата семья получила известия о жестоких боях в Кушань. Двоюродный брат так и не вернулся. Неизвестно, погиб ли он в бою или скончался от какой-то страшной болезни.

Цун отчётливо помнил тот вечер, когда пришло это известие. Мужчины семьи собрались вместе, куря одну сигарету за другой, а женщины плакали рядом, вытирая слёзы.

Глубокие вздохи и тихие рыдания смешивались, словно бесконечная погребальная мелодия.

Поэтому, когда Цун, окончив училище, получил призыв и решил отправиться сюда, чтобы разобраться в ситуации, его отец сначала остолбенел, а затем курил всю ночь напролёт.

Реакция матери была ещё сильнее. Она, сжав в руках тот призыв, замерла на долгое время, а

затем вдруг зарыдала. Она наотрез отказалась отпускать Цуна, требовала пойти вместе с ним в училище и объясниться, тащила отца Цуна в призывную комиссию.

Но приказ есть приказ. Хотя это и называлось призывом, если бы он действительно отказался, начальство обязательно стало бы уговаривать его, применяя и мягкие, и жёсткие методы, пуская в ход угрозы и посулы, и не успокоилось бы, пока не забрало этого многообещающего молодого человека.

Так продолжался год, и в конце концов семья не выдержала давления. Цун подписал призыв.

Военное время, не по своей воле. Война всё ещё не закончилась, и у человека действительно мало выбора.

Перед отъездом Цуна его отец тяжело вздохнул и сказал:

— Вот если бы ты был не таким выдающимся... Если бы не был таким заметным, на тебя бы и не положили глаз.

Но в этом несчастье была и удача — А-Янь отправился вместе с Цуном. Цун и А-Янь знали друг друга с детства, А-Янь был тем, кто всегда ходил за ним по пятам.

На родине Цуна населения было немного, на всей улице только он и А-Янь были ровесниками. Это был скорее не сосед, а собственный младший брат.

Они один за другим учились в одной начальной школе, одной средней школе, одной старшей школе и в конце концов поступили в одно и то же военное училище. Цун был тем самым «сыном соседей», а А-Янь гордился тем, что идёт по его стопам.

Поэтому на следующий год, когда А-Янь окончил училище, он также получил призыв. Сам призыв был одним источником давления, а упрямство А-Яня — другим. В конце концов семье ничего не оставалось, как отпустить его.

К тому же, отправляясь в незнакомые горные районы, иметь рядом знакомого человека — уже поддержка.

Обе семьи провожали их до самого вокзала. Даже после того как они поднялись в зелёный вагон, родные не уходили. Они бежали за поездом долго-долго, пока наконец не исчезли в невидимом дыму.

На самом деле, в начале Цун был уверен. Ведь прошло уже четыре года, как бы ни было трудно атаковать, должно было уже всё кончиться. Общая тенденция такова, что маленькая горная провинция не может противостоять общей ситуации.

Но, оказавшись здесь, он понял, что многие вещи невозможно осознать, пока не увидишь их своими глазами.

В этом месте были горы, вода, плоды — даже если полностью отрезать все цивилизационные связи, они могли бы сами себя обеспечивать несколько поколений. Не то что четыре года — даже если пройдёт ещё сорок лет, люди внутри всё равно будут есть, пить и жить как жили.

Поэтому необходимо было применить авиацию и артиллерию, вести массированные бомбардировки, а также быть готовым к большим жертвам, чтобы один бил десятерых, и только тогда появилась бы возможность окончательно захватить эту территорию и включить её в

состав страны.

Отряд, с которым прибыл Цун, стоял на границе три месяца. Солдаты, которых сменяли, были как перепуганные птицы, а новые отряды не решались действовать опрометчиво. Говорили, что захват Города Ящерицы означал бы покорение Кушань, но глядя на то, что даже продвижение вглубь леса было проблемой, не говоря уже о захвате горных вершин и уничтожении разрозненных вооружённых групп.

Цун не получал никаких приказов и просто впустую тратил казённое довольствие три месяца.

За эти три месяца повсюду слышались выстрелы, но нигде не было видно никого.

Люди Кушань отлично знали местность. Сделают выстрел — и сразу меняют позицию, партизанскую войну вели как рыба в воде, с полным мастерством, а солдаты могли лишь беспомощно стоять снаружи.

Начальство тоже пыталось заставить их рассредоточиться и окружить, но всё равно проигрывало из-за знания своей земли, которым обладали люди Кушань. Никто не знал, где может быть яма, а где пещера. Не знали, когда на деревьях вдруг окажется полно людей, а когда они заведут преследующих солдат в болото.

Люди Кушань были проворны, как обезьяны. С одним ружьём за спиной один человек мог сдерживать целый взвод.

Иногда у них даже не было ружей, они полагались на самодельные арбалеты, внезапно делали несколько выстрелов, а когда люди приходили в себя, тут же проносились по канатному мосту, нацеливались на пруд и ныряли, исчезая без следа, оставляя только качающийся канатный мост, словно там только что пролетела птичка.

Цун входил в состав штаба. Если солдаты, когда не несли оружие, могли бездельничать, то молодые чиновники вроде Цуна не смели лениться. Каждое утро он обходил линию обороны, а также повсюду выпрашивал новости.

Хотя отправляемые патрульные отряды никогда не приносили результатов, но в конце концов документы представлял штаб, и если не было докладов и материалов, отвечать за это приходилось именно этим гражданским чиновникам.

Так за три месяца Цун смог составить общее, хотя и смутное, представление о Городе Ящерицы.

Город Ящерицы, как крупнейший город Кушань, граничил с мелководным морем, где когда-то были рыбацкие лодки, но рыбаки давно исчезли. Предполагалось, что некоторые вернулись в деревни в горных долинах, а другие ещё раньше уплыли на лодках в более бедные зарубежные страны в поисках убежища.

В Городе Ящерицы насчитывалось пять горных поселений, расположенных в разных горных массивах. В каждом поселении был свой староста. Когда война зашла в тупик, правительство также думало о переговорах. Но как бы они ни старались, им не удавалось встретиться с их лидерами.

Пять поселений, казалось, договорились — они просто не будут выходить и поддерживать новое правительство. Их люди не выходили наружу, чтобы устраивать беспорядки, но и чужакам не позволялось заходить и вмешиваться.

В беспомощности пришлось продолжать бездействовать.

Но это не могло длиться вечно. Новое правительство уже основало страну, а это место всё ещё не сдавалось, что, как ни говори, было занозой в сердце.

Элитный отряд, с которым прибыл Цун, должен был вытащить эту занозу. На этот раз переговоров не было — если они снова не выйдут на переговоры, придётся, стиснув зубы, проводить зачистку.

Начальство ясно дало понять: вы, чёрт возьми, сброд, даже не регулярная армия, мы, вооружённые, как ни говори, сильнее вас, стреляющих из арбалетов, даже если трое против одного, мы сровняем это место с землёй!

Поэтому, если так подумать, неудивительно, что Цуна и его помощника А-Яня похитили.

Эти люди Кушань не знали чужаков и их языка, не понимали тактик, которым обучали солдат. Поэтому самый простой и прямой способ узнать какую-либо информацию — это схватить одного-двух живых и допросить.

Раньше уже захватывали, но, вероятно, замучили их до смерти, поэтому пришли за новыми.

Цун и А-Янь и были этими двумя новыми. К счастью, они не умерли, к несчастью — тоже не умерли. Каждый день, кроме пыток, им снова и снова задавали на ломаном общем языке те самые заезженные вопросы: где находятся чужаки, сколько их, какое оружие, какие планы, с какого пункта планируют прорваться.

[Авторских примечаний нет]

<http://bllate.org/book/16300/1470069>